

Виктор Меркушев

ПРИЧАСТИЕ ПТИЧЬЕГО
ЯЗЫКА

Виктор Меркушев

**Причастие птичьего
языка (сборник)**

«Знакъ»

2016

ББК 84(2Рос=Рус)6-4

Меркушев В. В.

Причастие птичьего языка (сборник) / В. В. Меркушев —
«Знакъ», 2016

ISBN 978-5-91638-121-4

Сборник открывает серия очерков о Ленинграде семидесятих годов под общим названием «Питер эпохи Верхнего Мела». Как последует из повествования – название вполне уместное в контексте будущих перемен, до неузнаваемости изменивших и великий город, и его жителей. До определённой степени все последующие тексты связаны с первой вещью и являются её продолжением, даже если для осмысления произошедших изменений вокруг нас выбран фантастический сюжет или никакого сюжета не прослеживается вовсе.

ББК 84(2Рос=Рус)6-4

ISBN 978-5-91638-121-4

© Меркушев В. В., 2016

© Знакъ, 2016

Содержание

Питер эпохи верхнего мела	5
«О, это был прохладный день в чудесном городе Петровом!..»	5
«Ленинградцы, гордость моя...»	7
«Через четыре года здесь будет город-сад...»	9
«...быть к величью города причастным...»	11
«...я этим городом храним...»	13
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Виктор Меркушев

Причастие птичьего языка

Питер эпохи верхнего мела

«О, это был прохладный день в чудесном городе Петровом!..»

Безусловно, ошибаются те, кто полагает что Санкт-Петербург – это обычный город, построенный на ненадёжном торфянике маленьких речных островов, только тем и знаменитый, что стал воплощением дерзкой мечты великого и своенравного царя. Невозможно сказать, каким видел великий царь заложенный им город. Здесь неправильно было бы ссылаться даже на его прямые высказывания, ибо мечта всегда больше реальности и, порой, живёт независимо от неё. Вряд ли Пётр видел его украшенным колоннадами дворцов и кружевами оград, ажурными арками мостов и тысячами прихотливых уличных фонарей, и мог предположить, что гордая и непокорная Нева будет закована в суровый неколебимый гранит, умеривший пыл непослушной воды.

У всего на свете существует своя, внутренняя логика, которая сильно отличается от нашей привычной, человеческой. Оттого, руководствуясь одним лишь опытом и здравым смыслом, бывает исключительно сложно заглянуть в своё, пускай даже совсем недалёкое будущее. Впрочем, по правде говоря, ничуть не легче оказывается понять и осмыслить своё настоящее, полагаясь только на собственные знания и разум, особенно на сломах или изгибах эпох, наполненных не столько новизной, сколько противоречивыми требованиями и зыбкими смыслами.

Это совершенно не требует никаких доказательств, так как вообще не имеет смысла доказывать существование того, что невозможно точно описать или однозначно определить.

Санкт-Петербург – это прежде всего воплощение европейской идеи, по-своему преломлённой русским сознанием, явленное на русской почве и ставшее отдельным центром притяжения для всего родственного своей природе и способа быть.

Меня с детства тянуло в этот город, в который я впервые попал двенадцатилетним мальчиком вместе с отцом, благодаря его недельной командировке в Военно-медицинскую академию, его бывшую *alma mater*.

Мы жили на самой окраине Коломны, в какой-то старой гостинице с огромными запотевшими окнами во двор, откуда был виден только мокрый тротуар и серый дождь, не прекращавшийся целую неделю. Город предстал передо мной в своём расхожем, вульгарном варианте, предполагавшем бесконечную слякоть, открыточный глянец дворцов, отсыревшие брандмауэры доходных домов и вечный, мелкий, почти бесшумный дождь, уходящий по многочисленным водотокам в тёмную Неву, отяжелевшую от прокопчённых буксиров и громоздких, неповоротливых барж.

Для вполне заурядного советского двенадцатилетнего ребёнка, я многое сумел повидать и успел пожить в нескольких городах, расположенных в разных концах нашей страны, поражавшей тогда своими размерами и многообразием. Я изучил не только черноморский юг и Крайний север, но и витальные, полные щедрого солнца города Украины, побывал в задумчивой и прекрасной Беларуси, жил на Урале и в Сибири и даже своими глазами наблюдал разрушительное ташкентское землетрясение 66-го года.

Но Ленинград не был похож ни на какой иной город, и он отличался от всех прочих именно тем, что очень сложно назвать, а можно лишь ощутить и почувствовать.

Меня захватывало здесь абсолютно всё. Забыв о времени, я мог смотреть в чёрную воду ленинградских каналов, слившись с витиеватым чугунным парапетом, любил разглядывать коричневые крыши, усыпанные трубами, антеннами и прихотливыми башенками непонятного назначения, наблюдать блестящий асфальт, который дождь превращал в серебристую зыбкую акварель.

Это был мой город. Я понял это по его дыханию, наполненному ветрами с Балтики, по его учащённому пульсу, совпадающему с моим, побуждавшим всё моё существо творить, выдумывать, познавать... Мне исключительно хотелось быть причастным к его спокойному величию и к его благородной красоте, которой чуждо было всякое самолюбование и любая гордыня.

Мне хотелось приехать сюда навсегда.

«Ленинградцы, гордость моя...»

В каком бы уголке Советского Союза вы не оказались, слова: «я ленинградец», открывали перед вами любые, даже самые закрытые и недоверчивые души. Ленинградцев априори уважали, неизменно приписывая им воспитанность, образованность и хорошие манеры.

По правде говоря, ленинградцы действительно являлись носителями особой культуры, которая органично включала в себя интеллигентность, достоинство и нравственное поведение.

«А как же питерские гопники и знаменитая лиговская шпана, на которую отчего-то не действовал никакой “Моральный кодекс строителя коммунизма”», – спросит какой-нибудь «румяный критик мой», кому не довелось жить в Ленинграде в Меловую эпоху, то есть в семидесятые и в начале восьмидесятых. Отвечу: гопники, разумеется, были на своём привычном месте. Скажу более: они и не исчезали оттуда никогда, от времён прокладки там Новгородской дороги и бегущего вдоль неё Лиговского водотока. Но в Меловую эпоху у них появилась возможность вырваться из убожества отчуждения, проклятия оставленности, этой нелепой кармы, унаследованной от питерских первостроителей, существовавших лишь затем, чтобы приносить свою жизнь в жертву целям, значения которых они не могли ни разделить, ни осмыслить.

Пожалуй, необходимо сразу же объяснить, отчего я брежневский период упрямо называю эпохой Мела. Кто тогда жил, тот знает, что это был не только период «великих дел и свершений», но и людей, ставшими вровень со своим временем. И такие люди были не только в науке, культуре и космосе – они были везде: в полях, на заводах, в шахтах, на рыболовецких судах, в экспедициях... Сказать, что выражение «трудовой героизм» был привычным канцеляристским штампом, языковым клише тех лет, я бы не решился. Всё это было: и дела, и люди, как бы теперь не старались стереть с доски истории записанные там свершения и имена. Об одном остаётся только сожалеть – они оказались написанными мелом, и не составило никакого труда стереть грязной тряпкой с доски времён всё, что писалось для того, чтобы мы примечали это и помнили.

Так какими же я увидел ленинградцев, прибыв в их город после окончания школы? Прибыв для того, чтобы постараться стать одним из них и иметь долгожданное право отвечать на вопрос любопытствующих: я – ленинградец!

Майский город встретил меня неожиданным голубооким зноем. Пыльные тополя дымились невесомым клубящимся пухом и отовсюду на меня глядели бесконечные лики цветов: кареглазые, с жёлтыми огоньками, зелёные ромашковые, строгие главы гордых георгинов и наполненные солнечным румянцем атласные полусферы тюльпанов и космей.

Не помню, какими я увидел тогда горожан. Наверное, они были чем-то похожи на свой город, ликующий, объятый зелёным пламенем поздней весны, украшенный разноцветными бликами и рефlekсами погожего дня.

Впоследствии моя судьба часто пересекалась с судьбами жителей великого города: простых и не очень, безвестных и знаменитых. Через них я ещё больше полюбил Ленинград и окончательно привязался к нему, уже с полным основанием и гордостью почитая его своим.

По удивительному совпадению общежитие, в которое меня поселили по прибытию, находилось по соседству с тем местом, где впоследствии был построен мой теперешний дом. Тогда это была заурядная городская окраина, представляющая собой сумбурную архитектурную полифонию: здесь, рядом с помпезными «сталинками» уживались деревянные двухэтажки, а едва наметившиеся площади и проступающие магистрали, застраивались безликими коробками, которые поднимались над парками и сохранившимися островками леса точно исполинские существа, покрытые чешуёй бежевой плитки или серого кирпича.

Майский город семьдесят третьего оказался необычайно зелёным и удивительно безлюдным. Пожалуй, отсутствие празднующихся было связано с тотальной занятостью и ещё не наступившим туристическим сезоном, но ощущение свободы и огромных протяжённых пространств глубоко вошло в мою память. Возможно, на это впечатление неосознанно накладывалась необыкновенная панорама Невы, поражающая разбегающимися горизонтами и насквозь пронизанная вибрирующим воздухом и холодным рассеянным светом. И этот огромный город улыбался мне фасадами зданий, многоцветностью газонов, сверкающей гладью каналов и рек. Улыбались мне и ленинградцы. Наверное, город встретил меня улыбками по причине моей отчаянной молодости, чувствуя, сколько надежд и ожиданий связывало меня с ним, а может, просто потому, что близкое по духу всегда призвано привечать друг друга.

Сосновка, где я оказался, в иерархии ленинградских окраин достойно занимала своё почётное место. Здесь было расположено множество НИИ и студенческих общежитий, и некоторая отрезанность от центра создавала впечатление отдельного уютного академического городка, которому ничто не мешало быть сосредоточенным на науке и учёбе.

Сейчас в это трудно поверить, но тогда до центра, а точнее до площади Ленина, где находилось ближайшая станция метро, можно было добраться только на двух трамваях — «девятке» и «сорок седьмом», на которых ехать надо было около часа. И «выход в город» был, безусловно, событием, которого ждали и к которому готовились. Лично для меня город никогда не был неживой материей, неодушевлённым каменным существом, конгломератом дорог, строений и проводов.

У моего города была не только душа, неповторимое и узнаваемое лицо, но и собственный голос.

В нём слышались звоны трамваев, шелест листвы, плеск невской волны и шум осенних грибных дождей. Он отвечал моим мыслям, к нему я прислушивался, как к самому близкому другу, и мне казалось, что я научился понимать его.

У него были свои интонации, свои особенности: плавный неспешный речитатив Летнего сада отличался от стремительного, торопливого звучания Невского, размеренный и степенный говор центральных площадей мало походил на едва различимую речь Сосновки, прерываемую многозначительными паузами, переходящими в молчание.

И меня совсем не удивляет, что многие, пишущие о Городе, называют его своим другом. Хотя, пожалуй, мы всего лишь его часть, но такая, через которую просматривается целое и без которой его попросту не существует.

Того, моего Ленинграда, уже давно нет. Он потонул в кварталах новостроек, в многоцветий реклам и модных витрин, скрылся под асфальтом новых дорог и кичливой подсветкой домов и площадей. В его голосе всё чаще я замечаю ноты праздности и суеты, и не узнаю прежние улицы и дворы, забитые вульгарными вывесками, мусором и машинами.

А где же «румяный критик мой», бездумно возражающий мне чужой глупостью, что любому свойственно сожалеть о прошлом, когда и солнце казалось ярче и трава зеленей?

Да он, разумеется, никуда и не исчезал. Вот он. По-прежнему румян, и это хорошо.

Я отвечу ему, что не столько сожалею об ушедшем времени, сколько о его утраченных смыслах. Пусть подумает над этим. Быть может, когда-нибудь это поймёт.

«Через четыре года здесь будет город-сад...»

Реальный Ленинград был совсем не похож на тот город, про который я раньше столько читал, слышал и в котором побывал в детстве. В нём оказалось удивительно много солнца. Солнце налипало на травы и кусты, растекалось по асфальту, струилось по стенам, превращая окна в горящие солнечным сиянием зеркала, нагревало крыши и тротуары, отчего в пронизанном солнечным светом воздухе восходили к небу зыбкие прозрачные миражи. Да и строгого «величественного гранита» здесь тоже оказалось не столь много, как бы следовало ожидать. Гораздо больше наличествовало зелени парков и аллей, буйного кипения акации и сирени и вездесущих одуванчиков, заполонивших всё свободное пространство, все обочины дорог, газоны и детские площадки.

Цветением и зеленью Ленинград словно бы вернул меня в страну моего детства Геленджик, разве что вместо гор на западе белели золотобокие облака, замершие над Балтикой невесомаю дымною грядой. Но в чём действительно не обманули меня путеводители и календари, так это в великолепии городского архитектурного убранства, почти полном паритете освоенной суши и воды и в описании изысканного чугунного кружева оград и парапетов, украсившем не только фасады дворцов и тяжёлые арки мостов, но даже вполне обыкновенные здания и небольшие скверы.

На такого неискушённого провинциала, как я, Ленинград производил поистине гипнотическое действие. Да если бы только на меня одного! Гуляя по его улицам и бульварам, я безошибочно узнавал таких же очарованных городом неопитов не только по кургузым рубашкам и вышедшим из моды расклешенным брюкам-клёш, но и по рассеянным мечтательным взглядам, вбиравшими в себя всё, что по случаю или без попадалось им на пути.

Со временем город, конечно, их изменит, как изменил и меня, и незримо объединит нас всех, приехавших в Ленинград и сделавших его своим собеседником и другом.

Надо признать, что все города так или иначе обновляют себя. Со стороны непредвзятого наблюдателя любой город – это огромная стройплощадка, даже если изнутри кажется, что ничего значительного не происходит, разве что перекрашиваются фасады и меняются вывески первых этажей.

Сосновка тоже прирастала этажами и новизной. Застраивался Институтский, за политехническим парком по Тихорецкому тоже кипела работа – возводились новые корпуса, тянулись ввысь стальные фермы технических сооружений, строились жилые многоэтажки. Мы, молодые студенты, своим значительным большинством, чувствовали свою сопричастность происходящим переменам и в этом строительстве видели созидание новой жизни, свободной от косности, невежества, ханжества и эгоизма. Нам очень хотелось построить свой город-сад, сделать город ещё прекраснее, ещё удобнее для жизни, чтобы доказать прежде всего самим себе, что мы не зря некогда приехали в этот город. И тогда казалось, в своей будущей жизни мы будем только тем и заняты, что задачами и целями такого созидания.

А пока над Сосновкой горели разноцветными габаритными огнями монтажные краны, и контуры будущего были ещё неразличимы.

Но разве меняются только одни города? Меняются времена, они-то и меняют обличия городов и в какой-то степени переделывают людей, переделывают в той мере, в которой их вообще возможно переустроить и изменить. Казалось бы: при чём здесь неодушевлённые времена, когда всё должно зависеть от людей, от их намерений и от их понимания будущего. Отчего же тогда времена созидания сменяются эпохами разрушения и отрицания опыта предшествующих поколений? Наверное, всё-таки оттого, что времена не бездушны, как может показаться, а в них всегда присутствует свой особый дух, аккумулирующий и преобразующий в себе все человеческие чаяния, все людские надежды и их дерзновенные

мечты о будущем. Но дух времени не имеет возможности нравственного выбора, ему чужды эмоции, на которых зиждутся все человеческие иллюзии и мифы, дух времени преобразует все эти фантомы воображения согласно вечному и неизменному алгоритму необходимостей, выработанному вовсе не человеком, а самой Природой. Оттого, наверное, нашими прекраснодушными помыслами выкладывается дорога, которая всегда идет не в том направлении, которое предполагается изначально. Как тут не вспомнить Александра Суворова, утверждавшего, что результат деятельности сентиментальных мечтателей обязательно оборачивается злом и жестокостью, безотносительно к чистоте и возвышенности их первоначальных помыслов.

Я очень часто не узнаю своего любимого города. Петербург начала третьего тысячелетия совсем не похож на тот город, который мы, молодые энтузиасты семидесятых, хотели воплотить в жизнь. Хотя по-прежнему над Сосновкой горят габаритными огнями монтажные краны, и по Тихорецкому и Хлопина, как несколько десятилетий назад, гуляют студенты.

У них открытые и красивые лица, и этим они очень похожи на нас, студентов ушедшей эпохи, в которой историческое название нашего города упоминалось разве что в учебниках и на музейных стендах. Но, в отличие от нас, они не сентиментальны в своём большинстве, и не мечтают построить на месте Санкт-Петербурга цветущий город-сад, ни за четыре года, ни через десять. И это, пожалуй, очень хорошо.

«...быть к величью города причастным...»

Никогда не возвращайтесь. Никогда. Особенно туда, где осталось много непознанного, недопонятого, недодуманного. Что давно уже поросло фантазиями и собственными мифами. Сожмётся сердце от напрасного, растраченного и потерянного, и заболит душа о нелепо прожитом времени, словно бы вы и прежде были богаты сегодняшней мудростью и теперешним пониманием прошлого.

Город будто усвоил это нехитрое житейское правило и назло своим исследователям менял и обличия, и имена. Он жил, вбирая в себя все яркие приметы быстроменяющихся времён, движимый неодолимым стремлением к новизне.

Всем своим парадным фасадом он был обращён к будущему, ему нравилось меняться, выходить за собственные границы и прирастать ввысь.

Кто может провести растерянного туриста по подлинным камням, ещё помнящим Пушкина и Достоевского? В городе их почти не осталось, да и обычные экскурсоводы редко обращаются к этому случайному «почти».

А если обращаются, то оно целиком укрыто в городских задворках, в заброшенной непарадной части, от бесприютного запустения проходных дворов и полумрака чёрных лестниц, до забытых тупиков, в которых остановилась сама история. Там город пропитан памятью, населён тенями прошлого и бережно хранит следы и отметины пережитых лет.

Позже, когда мне случилось побывать в Европе, я убедился, что не для всех городов характерно стремление к обновлению. Я объясняю такую особенность Питера влиянием модернистского проекта, каким являлся проект переустройства общества и государства, пожалуй, начавшийся реформами Петра и задавший динамику всех грядущих масштабных изменений. Что уж тут говорить об эпохе Верхнего Мела, когда он обрёл ещё большую силу и глубину. Тот выдающийся период славился ещё и людьми, которые хорошо знали свой город и бескорыстно служили делу его прославления. В мои студенческие годы было немало кружков и секций, занимающихся изучением Ленинграда, помогающих жителям приобщаться к культуре города и его истории.

Я в то время состоял в секции экскурсоводов-любителей, где мне достался музей на Болотной улице. Это был небольшой музей, посвящённый событиям семнадцатого года, но важно было совсем другое – сама атмосфера музея. Его облик, его обстановка помогали переместиться не столько в революционную смуту, сколько в иное время, с иными людьми, с иными ценностями и интересами. Это непривычно волновало и увлекало, позволяло пережить совершенно необычные ощущения, которые очень хотелось разделить с пришедшими сюда.

Сегодня не осталось и следа от той ауры места, уводившей меня в зелёные пригороды серебряного века, в блоковскую «скуку загородных дач». Теперь здание бывшего музея передали детям, так было и в далёком семнадцатом, когда вместо семьи одного из руководителей компании «Зингер» здесь поселились юные воспитанники детского дома. В музейном особняке в настоящее время размещён детский исторический центр, и проходя мимо, я частенько слышу оттуда громкую музыку, очевидно отвечающую царящему там настроению сиюминутного праздника. Коридоры времён, по которым из этого здания можно было перенестись в тоскующий блоковский Петроград, закрылись и здесь, пожалуй, необходимо строго следовать известному житейскому правилу – никогда не возвращаться.

Как бы ни были дороги воспоминания о музее на Болотной и проведённом там времени, но всё-таки больший след оставил для меня исторический кружок профессора Койкова, специализировавшийся на пеших городских экскурсиях.

Мы, наверное, были самыми необычными и преданными своему делу экскурсоводами, излазившими все глухие и забытые городские задворки.

И верно, сейчас таких экскурсий не проводит никто. Мы, члены этого кружка, сами разрабатывали планы и маршруты наших экскурсий.

Самой памятной, наверное, была экскурсия, посвящённая ленинградской блокаде, где непосредственные участники событий сами рассказывали нам о том времени. Как правило, это были одинокие люди, у которых блокада отобрала родных и близких, и их никак не могла отпустить трагическая память о войне. Они легко шли с нами на контакт и, в этом смысле, тоже были участниками нашего клуба. Никогда не забуду, как в доме, соседствующем с Некрасовским рынком, хозяйка одной из квартир показывала нам на полу след от «зажигалки», оставшийся там со времён бомбёжки в блокадном сорок втором.

Для своей экскурсии я старался отбирать подлинные свидетельства былых времён, сохранившиеся вопреки всем социальным преобразованиям, всем перестройкам быта и городской среды. Здесь была не только символика царского Петербурга, но и множество иных артефактов, несущих на себе отпечаток прошлых эпох. Обычно экскурсанты живо реагировали на предметы и явления, которые, по их мнению, были безвозвратно утрачены. Такие, как полуразвалившийся деревянный домик, без фундамента и признаков жильцов, очевидно оказавшийся за Обводным по причине наводнения 24-го года, как настоящий керосиновый фонарь уличного освещения или мраморные доски, с указанием не только прежних названий, но и административно-территориальных частей, на которые был некогда поделён Петербург. Людям нравилось разглядывать сохранившуюся брусчатку или какие-нибудь солнечные часы, в которых непросто было распознать их истинное утилитарное предназначение. Но самой любимой находкой в моей экскурсии была слегка затёртая надпись «Трактирь» в одном из дворов близ площади Тургенева.

Были у нас, конечно, и литературные и сугубо исторические экскурсии. Если принимать во внимание не профессиональных экскурсоводов, а только энтузиастов, то это занятие не являлось привилегией исключительно студенческой молодёжи. Среди экскурсоводов-любителей были люди весьма авторитетные, иногда даже известные. Таким, к примеру, был ленинградский литературовед, исследователь творчества Достоевского Сергей Владимирович Белов. Его прогулки по местам героев «Преступления и наказания» собирали большое количество народа и памятны многим. С некоторыми своим братьями по увлечению я познакомился значительно позже, тогда, когда к нашим экскурсиям совершенно пропал интерес, и люди перестали приходить. Впрочем, и город тогда уже назывался иначе, и страна готовилась к перерождению, приспособляясь к новой морали, новым условиям жизни и иной среде обитания. Сами собой прекратились и наши городские экскурсии энтузиастов-любителей, ибо эпоха Верхнего Мела подошла к концу.

«...я этим городом храним...»

Не знаю, при каких обстоятельствах мне довелось почувствовать себя ленинградцем. Может, это случилось тогда, когда я приехал в Ленинград учиться и был по-юношески очарован питерским великолепием, может, когда вернулся сюда из армии и стал непосредственно участвовать в городской культурной и общественной жизни. А может, когда поселился на своём высоком этаже, откуда можно было видеть Исаакий и Петропавловку, а на праздники и памятные дни зажжённые ростральные колонны в мерцающих огнях фейерверков. Или всё-таки тогда, в детстве, когда впервые увидел Неву?

Не знаю, но, скорее всего, ленинградцем я стал, почувствовав в своей душе созвучность с городом, свою причастность к этому сложному явлению, именуемому для краткости – Питер.

Существуют в мире города, которые всецело принадлежат своим народам и странам. В них местный колорит доминирует настолько, что они способны взращивать в себе лишь то, что отвечает традициям, что соответствует почве и устоявшемуся укладу. И если тебе не случилось родиться и вырасти в этих местах, то здесь ты – навсегда гость, пришлый чужак, которому всё время необходимо помнить о своём второстепенном месте.

А есть города, которые в равной степени принадлежат всем, их, разумеется меньше, нежели первых, но они есть. Как тут не вспомнить о Венеции, Флоренции или Париже.

Но существует единственный город на земле, принадлежащий только тебе. Возможно, ты не сразу сможешь почувствовать в себе такую отрадную данность, но только здесь ты в состоянии обрести свою настоящую форму и нераскрытую суть. И дело даже не в метафизике места, о которой так подробно писал Даниил Андреев, а, скорее, такое становится возможным в силу вполне рациональных причин. Да, безусловно, этот единственный город – Санкт-Петербург, он не знает национальных и религиозных различий, не признаёт прав первородства, не терпит высокомерия и отчуждения, способен в любых обстоятельствах поддерживать и радовать тебя. Так, пожалуй, можно говорить и писать только о друге, друге, который всегда с тобой рядом или же постоянно живёт в твоём сердце, не оставляя тебя, как бы ты далеко не жил, и как бы надолго ты из него не уехал.

Меня город не отпускал с самых первых дней знакомства. И куда бы ни забрасывала судьба, Питер всё равно не мог исчезнуть из моей жизни: я мысленно бродил по его прямым проспектам и правильным площадям, заходил в глухие дворы, стоял на мостах, застывших над медленной водой, любовался кружевами чугунных оград и светом позолоченных уличных фонарей. В моей памяти город был отчего-то окрашен в пастельные нежно-голубые тона. Я шёл от бирюзового Эрмитажа к Кунтскамере, сияющей лазурным отражением в голубой Неве, проходил мимо здания Двенадцати коллегий, почти сливающимся с небом и терялся во дворах, наполненных неоновым сиянием окон, вобравшим в себя недоступную торжествующую высь.

Иногда город становился совсем прозрачным и казался зыбким тревожным миражом, закутанным в голубоватую дымку статических балтийских туманов. Я не понимал, отчего такое происходит, почему тяжёлые каменные мосты, массивные брандмауэры и громадные соборы, увенчанные высокими куполами, предстают в памяти почти невесомыми, словно рождены не в кирпиче, камне и мраморе, а в лёгких аккордах звенящих мелодий и танцующих ритмах поэтической строки. А может быть и вправду оттого, что столько музыки, столько прекрасных стихотворений было посвящено городу, что его стало уже невозможно воспринимать, не учитывая мнения тех, чьим чувствам нам свойственно доверять.

Человек, как любое существо испытывает давление окружающей среды. В комфортной для себя среде он этого давления не замечает. Поэтому, если ты хочешь сделать Питер своим,

необходимо стать его неотъемлемой частью, уравновесив в себе культурное влияние города и его непобедимую склонность к обновлению встречным стремлением к совершенству.

Потер – особенный город, непохожий ни на какой другой. Это приходит в голову даже скептикам, которым довелось увидеть его воочию. В чём же особенности этого, столь исключительного, даже, пожалуй, неповторимого явления?

Вспомним, как создавался город. Он возникал не из людской стихии намерений и произвола, случайных прихотей и частных решений сильных мира сего. Он создавался по воле великого человека, преобразовавшего Россию, вытянувшего её из средневековой отсталости, утвердившего примат науки, искусства и общественного просвещения. Посыл Петра был продолжен его последователями, упоминать которых нет смысла – мы все хорошо знаем эти имена. Их стремления и чаяния можно было бы кратко проиллюстрировать строчкой из Библии: «Не нам, Господи, не нам, а имени Твоему дай славу, ради милости Твоей, ради истины Твоей». В Петербург были призваны лучшие зодчие, талантливейшие учёные, замечательные художники и музыканты, почтительно упоминаемые в императорских указах как «именитые граждане», для которых создавались благоприятные условия работы и жизни.

Хотя со времён Александра I такая тенденция прослеживалась не столь определённо, внимание императорских особ обратилось к иным проблемам и иным вызовам, но в Петербург по-прежнему стекались специалисты многих отраслей знания и искусства в надежде раскрыть здесь свой талант, посвятив своё призвание благородному делу общественного служения.

Стоит ли удивляться, что этот форум создал вокруг себя не только необычный город, проникнутый передовыми идеями и достижениями человеческой мысли, здесь возникла неповторимая интеллектуальная и культурная среда, в которую так или иначе втягивались все городские жители, создавая этот особенный вид: петербуржцы, питерцы, ленинградцы.

Между материальной и духовной культурой существует, на первый взгляд неочевидная, но нерасторжимая связь, позволяющая проносить идеологемы и смыслы через память многих поколений. Это только кажется, что камни молчат и ничего сами по себе не означают. Недаром же во времена перемен имеет место варварская традиция крушить памятники и уничтожать символы былого жизненного уклада, в надежде измениться и переосмыслить жизнь.

Питер не сильно пострадал от подобного варварства. Меняясь, он сохранял и прежние, присущие ему черты. Так и создавалось неразделимое во времени пространство петербургского мира, вбирая в себя всё лучшее и не замечая случайного.

Во времена, которые меня здесь интересуют более всего и на которые пришлись мои студенческие годы, у города наличествовало ещё одно субстанциальное измерение. Можно было бы определить его как гуманистическое, но боюсь, чтобы верно описать его особенности потребуются весь самый сложный инструментальный арсенал точных наук, не иначе. Давно замечено, что люди не понимают друг друга в своих идеологических воззрениях не оттого, что не способны в должной мере оценить те или иные способы функционирования социальных форм, а оттого, что не понимают, какой народ и какие люди должны им соответствовать.

«Наступит ли царство добра и справедливости на земле?»

Разумеется, в обществе, которое предпочитает Варравана, всегда будет торжествовать правда Понтия Пилата, всадника Золотое Копьё. Но в Ленинграде в конце Меловой Эпохи возникает удивительный социально-культурный феномен – ленинградцы.

Слово «ленинградец» было наполнено таким множеством смыслов и значений, что выходило неоправданно далеко за рамки простого обозначения территориальной принадлежности. Его с уважением и пиететом повторяли во всех уголках необъятного Союза, и его носителю приходилось, подчас, очень нелегко, чтобы в полной мере оправдать завышенные

ожидания. Но к чести ленинградцев, они редко разочаровывали тех, у кого находились в гостях.

В ленинградцах в первую очередь видели людей образованных, с изысканными манерами и хорошим вкусом, людей независимых и самодостаточных. Многие полагали, что питерским жителям присуща дежурная учтивость и вежливая отстранённость – это нередко оказывалось правдой, но и то, и другое охотно прощалось и даже воспринималось большинством как особое достоинство. Считалось, что именно благодаря своему характеру жители Великого города во времена войны и блокады являли массовый героизм и становились образцом стойкости и несгибаемой силы духа.

Город объединил всех своих жителей одной общей судьбой, такой простой и ясной как его прямые проспекты и такой сложной и неповторимой как его отдельные здания, если к ним внимательно приглядеться.

Самое важное человеческое обретение – это память, благодаря которой только и возможно движение вперёд, в будущее, к тому, что тысячи лет назад было провозглашено Светом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.